

Татьяна Владимировна Костина

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского филиала Архива РАН,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: TanyaBizyaeva@yandex.ru

УДК 94(47).07; 94(47).08

Как университеты Российской империи 20 лет жили по разным законам, или О потерянных чиновниками Министерства народного просвещения постановления¹

В статье на конкретном примере показан процесс формирования законодательства о пенсиях профессоров российских университетов и их переизбрании в должностях. В 1857 г. случайно выяснилось, что во второй трети XIX века в разных университетах Российской империи сложились отличные друг от друга традиции переизбрания профессоров, частично не соответствующие законодательству. В Казанском и Дерптском университетах баллотировку использовали только при получении звания заслуженного профессора. В остальных университетах она применялась как при выслуге 25 лет по Министерству народного просвещения, так и при приобретении звания заслуженного профессора. Но основание, на котором происходили эти баллотировки, было неизвестно в Министерстве народного просвещения. Причиной появившихся различий в трактовке узаконений стало затерянное чиновниками Министерства народного просвещения постановление от 13 апреля 1837 г. «О преимуществах заслуженных профессоров и тех, кои выслужили по учебной части 25 лет», в котором были разъяснены нормы текущего законодательства. На протяжении 20 лет оно оставалось неизвестным университетам, не вошло в Свод законов Российской империи, опубликованный в 1842 г., и не применялось на практике до 1857 г. Этот казус на практике имел большие последствия как для отдельных профессоров, так и для динамики кадрового состава университетов. Он делает явными особенности функционирования бюрократической машины при Николае I, в период масштабных публикаций законодательных сводов вообще и активного формирования пенсионного законодательства в частности. Случай с потерей постановления также показывает, что корпус постановлений и распоряжений по Министерству народного просвещения, опубликованный едиными сводами во второй половине XIX в., исследователями может восприниматься иначе, чем современниками издания этих законодательных актов.

Ключевые слова: XIX век, возрастная динамика, Дерптский университет, Казанский университет, Министерство народного просвещения, образовательная политика, пенсионное законодательство, профессора, Российская империя, университеты, Харьковский университет.

Начиная с 1804 г., большинство университетов Российской империи руководствовалось в своей деятельности общими уставами². Однако ряд вопросов, очень важных как для членов корпорации и их семей, так и для формирования механизмов об-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-06-04531 А.

² 5 ноября 1804 г. были опубликованы единые «Уставы Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов», действие которых было распространено в 1824 г. на Санкт-Петербургский университет. «Общий устав Императорских Российских университетов» от 26 июля 1835 г. также регулировал деятельность Казанского, Московского, Санкт-

новления кадрового состава университетов, в университетских уставах прописывался лишь в самом общем виде или не прописывался вовсе. Это вопросы, касающиеся выслуги пенсии и предельного срока службы. О пристальном внимании преподавателей к ним можно судить по тому, что в процессе создания проекта университетского устава 1863 г. обсуждение их достигало, по словам профессора И. И. Ивановского, «крайних пределов» [Журналы заседаний Ученого комитета ..., 1862, с. 276].

Специфику пенсионного обеспечения преподавателей дореволюционных университетов нельзя назвать неисследованной: соответствующие вопросы поднимаются как в работах по истории университетов [Жуковская, 2009, с. 83; Ильина, 2009, с. 39; Костина, 2012, с. 239–240; Томсинов, 2012, с. LXXV], так и по истории законодательства [Еремина, 2015, с. 23–30; Квасов, 2005; Шипилов, 2003, с. 35–36]. Между тем, в первых работах оно не исследуется систематически, обращение к ним представляет собой ряд локальных замечаний. Вторые — имеют значение как обзоры, из которых можно в общем виде представить себе принципы реформирования пенсионного законодательства, без анализа текущей нормативной базы и изменяющихся практик ее применения. Несмотря на то что во многих случаях подобный подход правомерен, понимание и анализ отдельных ситуаций возможен только с учетом непосредственной механики принятия решений центральными органами власти и путей их распространения. Одному из таких случаев, отражающему всю сложность пенсионного законодательства применительно к русским университетам середины XIX в., и посвящена настоящая статья.

В России, которая начало XIX в. встретила с одним университетом, а проводила с десятью, университеты постоянно испытывали кадровый голод. Сначала он носил общий характер, позднее касался лишь отдельных дисциплин, но так или иначе сохранялся на протяжении всего имперского периода. По-видимому, такое положение заставляло Министерство народного просвещения проявлять гибкость в кадровой политике и в некоторой степени сдерживало происходивший поступательный процесс формирования более строгих правил избрания и переизбрания профессоров на кафедры. Тем не менее они развивались в связи с оформлением пенсионного законодательства, хотя и с некоторым опозданием относительно него.

Получение безусловной пенсии и звания «заслуженного» по выслуге 25-летнего срока в должности адъюнкта и профессора было установлено еще «Утвердительными грамотами Императорских Московского, Харьковского и Казанского университетов». Эти меры носили исключительно поощрительный, а не ограничительный характер: «оклад жалованья» обращался в пожизненную пенсию, если такой адъюнкт или профессор «пожелает оставить свое место» [Сборник постановлений ..., т. 1, 1875, стб. 289]. Уставы 1804 г. в этом отношении как бы продолжали текст Утвердительных грамот. В них не были повторены пенсионные правила; не объяснялось, но использовалось понятие «заслуженный профессор» [там же, стб. 302]. На Утвердительные грамоты ссылались при назначении пенсионеров заслуженным профессорам и адъюнктам, начавшим служить не менее чем в должности адъюнктов³.

Петербургского и Харьковского университетов. Действие устава 18 июня 1863 г. распространялось на те же четыре университета и университет Св. Владимира в Киеве.

³ См, например, РГИА. Ф. 733. Оп. 22. Д. 4. Л. 5; Оп. 29. Д. 173. Л. 2–3.

Этот документ, однако, оставлял без пенсии тех профессоров и адъюнктов, кто начинал службу с низших званий, между тем как другие установления позволяли выслужить пенсию, оставаясь 25 лет в звании учительском. Упущение было исправлено постановлением от 15 апреля 1811 г., после которого можно говорить уже о двух отдельных категориях преподавателей: заслуженных профессорах, то есть выслуживших 25 лет в звании не ниже адъюнктского, и тех, кто выслужил пенсию в размере оклада, прослужив в разных чинах 25 лет по ведомству народного просвещения [там же, стб. 691–692].

6 декабря 1827 г. был опубликован «Устав о пенсиях и единовременных пособиях», который не изменил порядка предоставления пенсий университетским преподавателям, урегулировав при этом вопросы назначения пенсий прочим чиновникам университетов и их семьям [Полное собрание законов ..., т. 2, 1830, с. 1036; т. 4, с. 890].

В Общем уставе Императорских российских университетов, опубликованном 26 июля 1835 г., получила развитие идея ротации кадров, с одной стороны, и были повторены действовавшие на тот момент пенсионные установления — с другой: им посвящено 12 параграфов Устава, объединенных в главу «О пенсиях и пособиях за службу при Университетах» [Сборник постановлений ..., т. 2, ч. 1, 1875, стб. 990–993]. В то же время порядок переизбрания профессоров был описан лишь в одном 83-м параграфе, который гласил: «Профессор, по выслуге в сей должности 25 лет удостоенный звания *заслуженного* (курсив в документе. — Т. К.), увольняется из Университета, и кафедра его считается вакантною. Совет принимает меры к замещению оной: причем и Заслуженный профессор может подвергнуться узаконенным порядком избранию» [Сборник постановлений ..., т. 1, ч. 2, 1875, стб. 981]. Вторично профессор мог избираться только на пять лет, по истечении которых для продолжения службы требовалось уже не только свидетельство университетского совета и удостоверение попечителя учебного округа, но и утверждение министра народного просвещения.

Как глава «О пенсиях и пособиях...», так и лаконичность § 83 (относительно к предшествующей практике), по-видимому, оставляли простор для толкований в отдельных случаях применения, потому что вызвали целый ряд изменений и поправок. Уже в мае 1836 г. обсуждался проект «Положения о производстве в чины и об определении пенсий и единовременных пособий по учебной части Министерства Народного Просвещения», внесенный в Государственный Совет и утвержденный 18 ноября 1836 г. В нем вопросы пенсионного законодательства были раскрыты детально. Профессора получили новую мотивацию продолжать службу после выслуги 25-летнего срока, так как статья 16 устанавливала: «За каждые пять лет, выслуженные по одной учебной части свыше двадцати пяти, прибавляется к следующей за сей последний срок полной пенсии, одна пятая доля оной» [Полное собрание законов ..., 1837, с. 205].

В примечании к этой статье было сказано: «Правило, изложенное в 83-й ст. Общего устава Императорских Российских Университетов, по коему Профессоры, удостоенные звания *заслуженного*, увольняются из Университетов или подвергаются новому избранию, остается в своей силе, с тем, что и все прочие Профессоры и другие лица, прослужившие в учебном ведомстве двадцать пять лет, на основании сего же правила, не иначе оставляются на службе, как по речательству ближайшего

начальства, что они могут еще служить с пользою; причем они сохраняют на службе и пенсию» [Полное собрание законов ..., 1837, с. 206]⁴.

Казалось бы, вопрос о переизбрании был урегулирован, однако во второй половине 1850-х гг. внезапно выяснилось, что в разных университетах совершенно по-разному трактуются статьи «Положения» 1836 г. Возможно, свою роль сыграла длительно существовавшая по прежним узаконениям связка между получением пенсии и звания заслуженного профессора. Оказалось, что члены университетских советов, среди которых были и юристы, не смогли прийти к консенсусу на основании этих узаконений.

Весной 1857 г. к управляющему Казанским учебным округом Ф. Ф. Веселаго обратился ректор университета О. М. Ковалевский с просьбой получить в Министерстве народного просвещения разрешение волнующего профессоров вопроса о необходимости баллотировки, возникающего в совете при оставлении преподавателей на новое пятилетие после выслуги ими 25-летнего срока. 4 июня Веселаго переадресовал его во 2-е отделение департамента Министерства, ссылаясь на известный профессорам § 83 Устава и на статью узаконений о пенсиях. В запросе он писал: «Между тем открываются случаи, когда Профессор, перешедши из другого ведомства в ученое и достигнув узаконенного срока на получение пенсии, по заведательствованию ближайшего Начальства Министерством оставляется еще на 5 лет в Университете, и до истечения сего пятилетия приобретает право на звание Заслуженного⁵. Тогда Совет Университета затрудняется в баллотировании его на это звание, чтобы в случае недостатка избирательных баллов, представлением об увольнении его от службы не противоречить распоряжению, сделанному об нем со стороны Министерства. Далее, гласное суждение в Совете о достоинстве своего сочлена оказывается на деле весьма неудобным, и поэтому, вопреки глубокому убеждению членов университета, преподаватели остаются на своих местах с явным ущербом для пользы науки, препятствуют даровитым молодым людям поступать на убылых места и с новыми силами действовать ревностно для блага народного просвещения на занятых ими кафедрах. Полагая более полезным, в случае выслуги узаконенных лет на получение пенсии или прибавки к оной кем-либо из преподавателей университета допустить баллотировку»⁶.

В этом запросе просматривается не только желание совета иметь больше рычагов для ротации преподавательских кадров. Из него, в частности, следует, что в Казанском университете не существовало закрытой баллотировки профессоров, выслуживших 25-летний срок и получивших пенсию, что соответствовало законодательству. Но, как выяснилось, эта практика не совпадала с процедурами, принятыми в других университетах.

⁴ Эти же пенсионные правила были повторены и уточнены в статьях 407–411 и 491–496 Устава о пенсиях и единовременных пособиях по ведомствам ученому и учебному. Однако в них, согласно цели документа, внимание было сосредоточено на выплатах пенсий, а упомянутое выше примечание к статье Положения от 18 ноября 1836 г., превратившись дословно в статью 493 Устава о пенсиях, не получило уточнений [Свод законов ..., 1857, паг. 3, с. 75, 89–90].

⁵ На полях документа в этом месте сделана помета неустановленного лица: «Если это было, то вероятно по недосмотру делопроизводителей. По 1-му отд. профессоры никогда не остаются на службе долее выслуги звания заслуженного».

⁶ РГИА, Ф. 733. Оп. 47. Д. 130. Л. 2–2 об. Ср.: НАРТ. Ф. 977. Оп. Ректор. Д. 1244. Л. 1–1 об.

По правилам работы бюрократического аппарата чиновники Министерства народного просвещения подготовили справку о данном вопросе. В нее вошли уже описанный выше параграф Устава 1835 г., две статьи из упомянутых Установлений о пенсиях и единовременных пособиях, а также неизвестное совету Казанского университета постановление Комитета министров «О преимуществах заслуженных профессоров и тех, кои выслужили по учебной части 25 лет», высочайше утвержденное 13 апреля 1837 г. по представлению бывшего министра народного просвещения С. С. Уварова, в котором после ряда нюансов пенсионного законодательства проговаривалось: «Профессор, приобретший право на пенсию прохождением разных должностей по учебной части, остается на службе при Университете без нового избрания, как сие постановлено для Заслуженных Профессоров, а только по засвидетельствованию Попечителя Учебного Округа, что он может еще служить с пользою и с утверждения Министерства»⁷. Получалось, что те профессора, которые были приняты на службу сразу на эту высокую позицию, должны были проходить переизбрание согласно Уставу. Те же, кто последовательно рос от преподавателя до профессора, по достижении общего стажа в 25 лет получали пенсию и, если начальство не считало, что есть какие-либо причины к их отстранению от службы, проходить процедуру переизбрания им было не нужно. Однако из представления Казанского университета следовало, что профессора не были знакомы с последним постановлением.

В настоящее время историки легко могут ознакомиться с этим документом, так как он был опубликован в Сборнике постановлений по Министерству народного просвещения [Сборник постановлений ..., т. 2, ч. 1, 1875, стб. 1248–1249]. Однако по какой-то причине он не стал известен сразу после Высочайшего утверждения в 1837 г. Когда спустя 20 лет чиновники столкнулись с последствиями недоразумения, у них состоялся весьма интересный диалог, оформленный в виде карандашных помет на полях запроса из Казани. Двух из трех участников диалога удалось установить, найдя образцы почерка в соседних делах этого же Департамента.

В. С. Глаголев, начальник II отделения Департамента, в которое был адресован запрос управляющего Казанским учебным округом Ф. Ф. Веселаго, отметил на запросе: «Покажите Игнатию Осиповичу⁸ и просите его мнения». Начальник стола II отделения В. А. Толвинский ответил: «И. О. не отвергает приведенного здесь закона, но находит, что он некоторым образом только забыт». На что неустановленный участник разговора ответил пространнее: «Г. Начальник Стола, вероятно, забыл то, что я ему говорил; — из Положения 13-го Апреля 1837 года п. 4-й не вошел в Свод законов, а там есть другая статья закона (504) о Заслуженных Профессорах, которая могла бы быть приведена в пользу баллотировки всех профессоров, по употребленным в этой статье выражениям: равным образом и на основании того же правила⁹. Во всяком случае дело это требует разрешения законодательным порядком,

⁷ РГИА, Ф. 733. Оп. 47. Д. 130. Л. 6–6 об.

⁸ Коллежский советник Игнатий Осипович Гирт служил начальником I отделения Министерства народного просвещения с 1854 г., а в Департаменте народного просвещения значительно раньше, с 1841 г. чиновником 4-го, счетного отделения. Потеря же постановления произошла в период, когда начальником 1-го отделения был Александр Александрович Берте.

⁹ По статье же 504-й 3-го тома Свода законов Установлений «О пенсиях и пособиях по особым управл.<ениям> и ведомствам» «Профессоры, удостоенные звания Заслуженного, увольняются из Университетов или подвергаются новому избранию, на правилах, изложенных в Уставе Российских Университетов, равным образом и все прочие Профессоры

или надобно в точности руководствоваться Высочайшим повелением 13-го Апр. 1837 года»¹⁰.

Таким образом, выяснилось, что постановление от 13 апреля 1837 г. «О преимуществах заслуженных Профессоров и тех, кто выслужили по учебной части 25 лет» не было тогда же разослано по университетам, оно не вошло в Свод законов, опубликованный в 1842 г., и не применялось на практике до 1857 г.

По возникшему случаю Департамент народного просвещения запросил справки в различных университетах о практике применения законодательства при оставлении в должности заслуженных профессоров. Выяснилось, что во всех университетах, «кроме Казанского и Дерптского, оставление Профессоров на дальнейшее время, по выслуге 25 лет или по приобретении звания Заслуженного, производится посредством баллотировки, но на каком именно основании, о том в делах Департамента нет точного сведения»¹¹. После запроса Веселаго о постановлении 13 апреля 1837 г. вспомнили, и управляющему Казанским учебным округом было рекомендовано руководствоваться им; то есть оставлять на службе профессоров, приобретших по выслуге 25 лет право на пенсию¹², исключительно «по засвидетельствованию Попечителя Учебного Округа, что он может еще служить с пользою»¹³.

Это недоразумение с потерей постановления интересно одновременно с нескольких точек зрения. Во-первых, замешательство с постановлением, вероятнее всего, отразилось на частоте объявления конкурсов разными российскими университетами и, вообще, на формировании корпоративной культуры в них. Так, например, в Харьковском университете, где ошибочно баллотировали всех выслуживших 25-летний срок, оформилась тенденция к использованию баллотировки для увольнения профессоров. Профессор Харьковского университета М. П. Клобуцкий так описывал ситуацию в письме министру А. В. Головнину от 17 сентября 1862 г.: «Местному Начальнику Университета ближе всего известен и настоящий Состав Совета, и направление его членов (при существовании разнородных партий, более или менее увлекающихся и увлекающих других), и в особенности известен принятый некоторыми из них принцип: вытеснения из Университета всякого Профессора, имевшего несчастье родиться раньше других и след.<овательно> прослужившего прежде другого 25, 30 или 35 лет, вытеснять всеми возможными способами, имея в руках своих самое сильное и верное средство — закрытую баллотировку... Такой принцип, без сомнения враждебный и науке, и пользе общей, особенно стал развиваться в Совете Университета с 1856 года, когда вступило в онный несколько новых членов, с своим особенным направлением, с своим особенным взглядом на вещи, конечно не всегда верным; от применения этого принципа на самом деле

и другие лица, прослужившие в учебном ведомстве 25 лет, на основании сего же правила, не иначе оставляются на службе, как по ручательству их ближайшего начальства, что они могут еще служить с пользою; причем они сохраняют на службе и пенсию» [Свод законов ..., 1842, паг. 3, с. 79].

¹⁰ РГИА, Ф. 733. Оп. 47. Д. 130. Л. 7.

¹¹ Там же. Л. 6.

¹² Законодательство различало эту категорию лиц и заслуженных профессоров. Последние должны были проходить переизбрание.

¹³ РГИА, Ф. 733. Оп. 47. Д. 130. Л. 8.

пострадало уже довольно деятелей науки, которые и доселе могли бы еще принести пользу Университету»¹⁴.

Во-вторых, возникший казус уточняет наше представление о работе бюрократической машины в царствование Николая I. Составленный в его правление Свод законов Российской империи сделался символом водворившегося порядка. Между тем, при стремительно нарастающей бюрократизации исполнение законов на местах весьма зависело от исполнительности и внимательности чиновников. Как показывает данный случай, аппарат Министерства народного просвещения не всегда справлялся с нараставшей бюрократизацией.

Благодарность. Выражаю искреннюю благодарность А. В. Куприянову за участие в постановке проблемы статьи.

Литература

Еремينا Т. И. Особенности правового оформления государственного пенсионного обеспечения преподавателей университетов в XIX — начале XX века // Вестник МПГУ. Серия: Юридические науки. 2015. № 4 (20). С. 23–30.

Жуковская Т. Н. «Императорский университет»: система вмешательства в жизнь российских университетов в первой половине XIX века // Власть, общество и реформы в России в XIX — начале XX века: исследования, историография, источники. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 74–89.

Журналы заседаний Ученого комитета Главного правления училищ по проекту Общего устава российских университетов. СПб., 1862. IV, 480 с.

Ильина К. А. Информационные ресурсы попечителя учебного округа (первая четверть XIX в.) // Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: Европейские традиции и российский контекст. СПб., 2009. С. 37–45.

Квасов Д. А. Становление и развитие пенсионного законодательства о государственных служащих Российской империи XIX — начала XX в.: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 191 с.

Костина Т. В. Пересмотр кадрового состава русских университетов в 1835–1837 годах // Уроки истории — уроки историка. Сборник статей к 80-летию Ю. Д. Марголиса (1930–1996) / сост. Т. Н. Жуковская, отв. ред. А. Ю. Дворниченко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 234–242.

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 2. 1827. СПб.: Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1830. С. 1138, 268, 30, 101, XII с., [7 л.].

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 4. 1829. СПб.: Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1830. 1246, 192, 120, 122, 72, 63, 30, 71, X с., [21 л.].

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 11: Отд. второе. 1836. СПб.: Типография II Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1837. 369, 405, 34, 72 с., [2, 7 л.], 20 с.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. 1: Царствование Императора Александра I. 1802–1825. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1875. 1864 стб., 43 л., 44 стб.

Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. 2-е изд. Т. 2: Царствование Императора Николая I. 1825–1855. Ч. 1: 1825–1839. СПб., 1875. 1576 стб., 69 с., 54 стб.

Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Учреждения. Издание 1842 года. Ч. 3. Уставы о службе гражданской. СПб.: Тип. Второго Отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1842. Паг. 3. 320 с.

Свод законов Российской империи издания 1857 года. Т. 3. Уставы о службе гражданской. СПб., 1857. Паг. 3. 316 с.

¹⁴РГИА. Ф. 733. Оп. 50. Д. 1122. Л. 159 об.

Томсинов В. А. Подготовка и проведение университетской реформы 1863 года // Университетская реформа 1863 года в России / сост. и автор вступ. статей В. А. Томсинов. М.: Зерцало, 2012. С. LXVIII–CXVII.

Шуцлов А. В. Зарплата Российского профессора в ее настоящем, прошлом и будущем // ALMA MATER. Вестник высшей школы. 2003. № 4. С. 33–42.

How Universities of the Russian Empire lived by different bylaws or, on the lost decree by the Ministry of Education.

TATIANA V. KOSTINA

the Archive of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg Branch,
St Petersburg, Russia;
e-mail: TanyaBizyaeva@yandex.ru

Abstract: The present paper focuses on the case of correspondence between Kazan University curator and Ministry of Education apparatus, which elucidates some aspects of the formation of regulations concerning university professors pensions and re-election procedures. In 1857, a request sent to the Ministry of Education from the Kazan University Council revealed a previously unnoticed difference in the practices of professors' re-election. In Kazan and Dorpat Universities, the closed ballot procedure was applied only while granting the status of Professor Emeritus. Other universities employed it in two kinds of cases: while prolonging the professor's contract after serving 25 years for the Ministry of Education and while granting the status of Professor Emeritus. However, the legal basis of these ballots was unknown to the Ministry. The main reason for the diversification of the tradition was the lack of a clear legal basis due to the loss of an important decree "On the privileges of Professors Emeriti and of those who have served 25 years in the teaching position" of April 13, 1837, which corrected the Paragraph 83 of the General statute of the Russian Universities of 1835. For 20 years, it remained unknown to the Universities, it was not published in the Digest of Laws of the Russian Empire (1842), and it was not used in practice until 1857. This case had important implications for both separate professors' cases and the overall dynamics of the faculty. It makes explicit some features of the functioning of the bureaucratic machinery under Nicholas I, when the legislative acts collections were published extensively and the legal basis of the pension system was under formation. It was shown that the Corpus of decrees by the Ministry of Education published in a series of volumes during the second half of the 19th century could be well perceived by the present day researchers in a very different way from the contemporary perceptions.

Keywords: 19th century, Russian Empire, age dynamics, education policy, pension law, Ministry of Education, university professors, Universities, Dorpat University, Kazan University, Kharkov University.

References

Eremina T. I. (2015) Osobennosti pravovogo oformleniia gosudarstvennogo pensionnogo obespecheniia prepodavatelei universitetov v XIX — nachale XX veka [Peculiarities of Legal Registration of the State Pension System of University Professors in the 19th — Early 20th Century] // *Vestnik MPGU. Seriya: Iuridicheskie nauki* [Bulletin of MPGU. Series: Juridical Sciences]. № 4 (20). S. 23–30 (in Russian).

Zhukovskaia T. N. (2009) «Imperatorskii universitet»: sistema vmeshatel'stva v zhizn' rossiiskikh universitetov v pervoi polovine XIX veka [Imperial University: a System of Intervention in the Life of Russian Universities in the First Half of the 19th century] // *Vlast', obshchestvo i reformy v Rossii v XIX — nachale XX veka: issledovaniia, istoriografiia, istochniki* [Power, Society and Reforms in

Russia in the 19th — Early 20th Century: Research, Historiography, Sources]. SPb.: Nestor-Istoria. S. 74–89 (in Russian).

Zhurnaly zasedanii uchenogo komiteta Glavnogo pravleniia uchilishch po projektu Obshchago ustava rossiiskikh universitetov [The Session Diaries of the Academic Committee of the Main School Administration on the Draft of the General Statute of Russian Universities] (1862). SPb. IV, 480 s. (in Russian).

I'ina K. A. (2009) Informatsionnye resursy popechitel'ia uchebnogo okruga (pervaia chetvert' KhIKh v.) [Information Resources of the Curator of the Educational District (first quarter of the 19th century)] // Sankt-Peterburgskii universitet v XVIII–XX vv.: Evropeiskie traditsii i rossiiskii kontekst [St. Petersburg University in the 18th to 20th Centuries: European Traditions and the Russian Context]. SPb. S. 37–45 (in Russian).

Kvasov D. A. (2005) Stanovlenie i razvitie pensionnogo zakonodatel'stva o gosudarstvennykh sluzhashchikh Rossiiskoi imperii XIX — nachala XX v. Dis. ... kand. iur. nauk [Formation and Development of the Pension Legislation for the Civil Servants of the Russian Empire in the 19th — Early 20th Centuries. Dis. ... Cand. Jur. Sciences]. M. 191 s. (in Russian).

Kostina T. V. (2012) Peresmotr kadrovogo sostava russkikh universitetov v 1835–1837 godakh [The Revision of the Staff of Russian Universities in 1835–1837] // Uroki istorii — uroki istorika. Sbornik statei k 80-letii Iu. D. Margolisa (1930–1996) [The Lessons of History — Lessons of a Historian. Festschrift for the 80th Anniversary of Yu. D. Margolis (1930–1996)] / Sost. T. N. Zhukovskaia, otv. red. A. Iu. Dvornichenko. SPb.: Nestor-Istoria. S. 234–242 (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1830). Sobranie vtoroe. T. 2. 1827 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. T. 2. 1827]. SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. S. 1138, 268, 30, 101, XII ts., [7 l.] (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1830). Sobranie vtoroe. T. 4. 1829 [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. T. 4. 1829]. SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. 1246, 192, 120, 122, 72, 63, 30, 71, X s., [21 l.] (in Russian).

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii (1837). Sobranie vtoroe. T. 11: Otd. Vtoroe [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 2nd Collection. T. 11: Otd. the Second. 1836]. 1836. SPb.: Tipografiia II Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. 369, 405, 34, 72 s., [2, 7 l.], 20 s. (in Russian).

Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia (1875). 2-e izd. T. 1: Tsarstvovanie Imperatora Aleksandra I. 1802–1825 [Collection of Resolutions on the Ministry of Public Education. 2nd ed. T. 1: The Reign of Emperor Alexander I. 1802–1825]. SPb.: Tip. V. S. Balasheva. 1864 stb., 43 l., 44 stb. (in Russian).

Sbornik postanovlenii po Ministerstvu narodnogo prosveshcheniia (1875). 2-e izd. T. 2: Tsarstvovanie Imperatora Nikolaia I. 1825–1855. Ch. 1: 1825–1839 [Collection of Resolutions on the Ministry of Public Education. 2nd ed. T. 2: The Reign of Emperor Nicholas I. 1825–1855. Part 1: 1825–1839]. SPb. 1576 stb., 69 s., 54 stb. (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii, poveleniem gosudaria imperatora Nikolaia Pavlovicha sostavlennyi. Uchrezhdeniia. Izdanie 1842 goda (1842). Ch. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Code of Laws of the Russian Empire, Composed by the Order of the Emperor Nicholas Pavlovich. Institutions. The Edition of 1842. Part 3. Statutes on the Civil Service]. SPb.: Tip. Vtorogo Otdeleniia Sobstvennoi EIV Kantseliarii. Pag. 3. 320 s. (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi Imperii izdaniia 1857 goda (1857). T. 3. Ustavy o sluzhbe grazhdanskoi [Code of Laws of the Russian Empire Published in 1857. T. 3. Statutes on the Civil Service]. SPb. Pag. 3. 316 s. (in Russian).

Tomsinov V. A. (2012) Podgotovka i provedenie universitetskoj reformy 1863 goda [Preparation and Implementation of the University Reform of 1863] // Universitetskaia reforma 1863 goda v Rossii [University Reform of 1863 in Russia] / Sost. i avtor vstup. statei V. A. Tomsinov. M.: Zertsalo. S. LXVIII–CVII (in Russian).

Shipilov A. V. (2003) Zarplata Rossiiskogo professora v ee nastoiashchem, proshlom i budushchem [The Salary of the Russian Professor in its Present, Past and Future] // ALMA MATER. Vestnik vysshei shkoly [ALMA MATER. Higher School Herald]. № 4. S. 33–42 (in Russian).

Илья Викторович Сидорчук

кандидат исторических наук,
доцент Высшей школы общественных наук Гуманитарного института
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический
университет Петра Великого»,
Санкт-Петербург, Россия;
e-mail: chubber@yandex.ru

УДК 94(47) 1917/1930

Основные особенности институционализации новых научных учреждений в послереволюционной России (на примере Петрограда-Ленинграда)¹

В рамках статьи предпринята попытка выявить основные тенденции в институционализации научных учреждений в условиях постреволюционной России, указать проблемы, возникавшие при создании новых научных центров, и проанализировать пути их решения, выбираемые научным сообществом. На материале опубликованных и архивных источников определены стратегии взаимоотношений научной элиты с властью в исследуемый период. При проведении исследования автор исходит из идеи преемственности исторического опыта и традиций дореволюционной и советской науки. На примере ряда научных учреждений на тот момент главного научного центра страны Петрограда-Ленинграда (Государственная академия истории материальной культуры, Яфетический институт, Институт по изучению мозга и психической деятельности, Института народов Севера, Российского института прикладной химии и др.) показана судьба как отдельных ученых, так и их проектов, проанализированы причины их успеха или провала. Отдельное внимание уделено вопросу введения марксизма в науку в 1920-х гг., рассмотрены его последствия для различных научных центров. Автор приходит к выводу, что в 1920-х гг. во многом сохранялись тенденции в развитии науки, сформированные в дореволюционную эпоху. При этом в первые послереволюционные годы даже поддержка власти не гарантировала учреждениям финансового благополучия, с чем связана неразбериха в работе учреждений, выделения и слияния и т. п. Одновременно политика расширения научно-образовательных центров, да и сам революционный дух эпохи позволяли реализовываться смелым планам, история которых заслуживает внимания, даже если она была очень краткой. Также в статье сравнивается положение гуманитарных, технических и естественно-научных научных центров, различие в котором стало особенно ощущаться с конца 1920-х гг. **Ключевые слова:** история науки, ученое сообщество и власть, институционализация науки, советская наука 1920-х гг., история высшей школы.

Отличительной чертой отечественной науки на протяжении всей ее истории была высокая степень зависимости от государства. Легитимация многих изобретений и научных проектов происходила путем их одобрения властью [Никифорова, 2015]. После Октября 1917 г. в условиях невозможности внегосударственного финансирования науки и постепенного усиления идеологического контроля ученое сообщество вынуждено было разрабатывать во многом новую

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых-кандидатов наук, проект МК-6876.2016.6.